Исследование

РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ МАЛЫХ СТРАН В ОБЕСПЕЧЕНИИ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. ПРИМЕР БЕЛАРУСИ

Авторы: Денис Мельянцов, Сергей Богдан, Евгений Прейгерман, Алисия Иванова

Декабрь 2020

На фоне подрыва основ стратегической стабильности взаимодействие между малыми странами-членами НАТО и ОДКБ приобретает особое значение для региональной безопасности в Восточной Европе.

Беларусь — единственный региональный актор, мотивированный способствовать межблоковому взаимодействию и обладающий соответствующей практической инфраструктурой.

Минск сохраняет объективный интерес к дальнейшей «игре на понижение» напряженности в региональной безопасности.

FRIEDRICH EBERT STIFTUNG

Исследование

РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ МАЛЫХ СТРАН В ОБЕСПЕЧЕНИИ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. ПРИМЕР БЕЛАРУСИ

Совет по международным отношениям
«Минский диалог»

Minsk Dialogue
Мінскі дыялог
Минский диалог

FRIEDRICH EBERT STIFTUNG

Содержание

1 ВВЕДЕНИЕ 4

2 МАЛЫЕ СТРАНЫ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЬЯНСЫ: СТОЛКНОВЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ VS ОБЩНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ 8

3 ИНТЕРЕСЫ БЕЛАРУСИ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЬЯНСЫ 16

4 ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ 24

Список интервью 26

1

ВВЕДЕНИЕ

Растущая геополитическая напряженность между Россией и Западом вернула к жизни (пусть и со значительными отличиями) характерную для эпохи Холодной войны логику межблокового противостояния. В этих условиях взаимодействие между военно-политическими блоками преимущественно вновь сводится к отношениям между великими державами и региональными гегемонами, которые играют в таких объединениях первую скрипку. Как правило, крупные государственные акторы стремятся повышать политический вес и легитимность альянсов, в которых участвуют, укрепляя внутриблоковую солидарность и монолитность. В некоторых случаях, как это происходило в последнее время в рамках НАТО, ключевая для альянса держава — США — начинает склоняться к односторонним решениям и ожидает, что союзники будут просто следовать за ней.

Закономерно, что внимание исследователей международных отношений в первую очередь привлекают интересы и действия крупных государств, прежде всего супердержав. Именно эти акторы определяют основные правила игры в мировой политике и задают глобальные тренды. Именно они преимущественно формируют направления развития военных альянсов и других международных организаций. Однако из-за концентрации лишь на ведущих государствах анализом часто не охвачены многие важные детали. Великие державы и региональные гегемоны окружены большим количеством менее сильных государств, которые, несмотря на свои невнушительные параметры, способны вносить серьезные изменения и искажения в международную повестку дня[1]. Особенно с учетом их членства в различных международных организациях и в целом возросшего по сравнению со временами Холодной войны потенциала[2].

Поэтому не стоит игнорировать роль и политику малых государств — участников военно-политических альянсов, хоть зачастую они и находятся в тени великих держав. Из-за множественных уязвимостей и узкого поля для маневра небольшие государства намного более чувствительны к изменениям военного и политического ландшафта. Поэтому у них особенно развиты чувство опасности, инстинкт самосохранения и установка на минимизацию рисков в области безопасности[3], которые часто подталкивают эти страны к решительным действиям, способным оказывать как позитивное, так и негативное влияние на военные альянсы и региональную безопасность в целом. В частности, они могут либо способствовать крупным акторам в выработке «дизайнов региональной стабильности»[4], либо, наоборот, препятствовать взаимовыгодным договоренностям.

Наиболее значимым этот фактор становится во время структурных изменений в системе международных отношений. И особенно в периоды, когда ранее существовавшая модель уже не выполняет своих базовых функций по обеспечению мира и безопасности, а очертания новой модели еще не ясны. То есть в периоды повышенной неопределенности и, по определению Джеймса Розенау, «турбулентности»: когда «структуры и процессы мировой политики вступают на территорию отсутствующих правил и границ»[5].

Именно на такой исторической территории, очевидно, мир находится сейчас. Сформировавшаяся после окончания Холодной войны система международных отношений, базировавшаяся на «однополярном моменте» США и либеральных принципах[6], претерпевает эрозию и преобразование в новое качество. Этот процесс сопровождается, помимо прочего, подрывом эффективности и авторитета международного права, снижением функциональности международных организаций, распространением транзакционной модели отношений даже между союзниками. На этом фоне ученые уже заговорили о наступлении постальянсной эры[7], когда

1 Gaertner, H. (1999) "Small States and Alliances". In: Reiter, E., and Gaertner, H. eds. *Small States and Alliances.* Berlin Heidelberg: Springer-Verlag.

2 Minsk Dialogue Council on International Relations, "Another Yalta is Impossible", Non-paper, 2015. https://minskdialogue.by/en/research/documents/another-yalta-is-impossible

3 Preiherman, Y. (2019) "Belarus: A Country Stuck In-Between Euro-Atlantic Security". In: Futter, A. ed. *Threats to Euro-Atlantic Security: Views from the Younger Generation Leaders Network.* London: Springer International Publishing.

4 Duke, S. W. (1999) "Small States and European Security". In: Reiter, E., and Gaertner, H. eds. *Small States and Alliances.* Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, p. 50.

5 Rosenau, J. N. (1990) *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity.* Princeton: Princeton University Press, p. 8.

6 Krauthammer, C. (1990) "The Unipolar Moment". *Foreign Affairs*, 70 (1): 23–33.

7 Heisbourg, F. (2020) "Predation and Predators in the Post-Alliance Era". *Strategic Assessment,* 23 (1): 69–74.

устойчивые военно-политические блоки уступают место ситуативным, проектным коалициям государств.

Проектность и транзакционность во взаимодействии государств в области безопасности действительно становятся повседневной нормой. Ситуативные коалиции по интересам все больше распространяются в условиях невозможности достижения консенсуса как в рамках Совета Безопасности ООН, то есть главного глобального органа по поддержанию мира и безопасности, так и внутри отдельных военно-политических блоков. Однако этого, пожалуй, пока недостаточно для вывода о наступлении постальянсной эры и, соответственно, о постепенном отходе классических альянсов в прошлое.

Как минимум, в условиях «турбулентности» и вызванной ею дисфункции международных институтов именно от военно-политических блоков продолжают зависеть вопросы войны и мира во многих частях планеты. Если альянсы не смогут больше играть стабилизирующую роль, то вызовы и угрозы безопасности в некоторых регионах начнут расти в геометрической прогрессии.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ВОПРОС

В Восточной Европе, которой посвящено данное исследование, определяющее значение для региональной безопасности имеют два военно-политических блока: Организация североатлантического договора (НАТО) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Таким образом, исследовательский вопрос, вынесенный в название доклада (*Каковы роль и влияние малых стран в обеспечении мира и безопасности в Восточной Европе?*) можно практически синонимично переформулировать: *Каковы роль и влияние малых стран в развитии отношений между двумя ключевыми для Восточной Европы военно-политическими альянсами?*

Многолетние наблюдения за регионом позволяют выделить две базовые модели поведения малых восточноевропейских стран — участниц альянсов. Первая модель сводится к постоянному стремлению дополнительно заострять проблему противостояния и сдерживания противоположного военно-политического блока и тем самым поддерживать градус геополитической напряженности для решения собственных задач. Вторая модель, наоборот, ориентирована на снижение градуса напряженности между альянсами и на продвижение примирительной повестки дня. В частности, посредством содействия межблоковой коммуникации и сотрудничеству.

В докладе подробно рассмотрены обе модели, а также факторы, которые влияют на выбор одной из них малыми восточноевропейскими странами-участницами НАТО и ОДКБ. Однако особый интерес представляет именно вторая — примирительная — модель поведения, так как авторы исходят из общего предположения, что она более благоприятно сказывается на мире и безопасности в регионе. При этом исследование не сводится к формулированию нормативной аргументации в пользу того, что все малые страны в Восточной Европе должны принять такую модель. Цель работы — определить практические возможности использования потенциала восточноевропейских государств-членов НАТО и ОДКБ для продвижения конструктивного взаимодействия между альянсами при сохранении этими государствами базовых установок в системе региональной безопасности. Таким образом, основной акцент в докладе сделан на способах снижения межблоковой напряженности в Восточной Европе посредством малых стран.

Такая постановка исследовательского вопроса интересна и с академической точки зрения. Основной массив научной литературы по теме участия малых стран в военно-политических блоках посвящен таким аспектам, как рациональность выбора малой страной альянса или ее отказа от участия в альянсах[8], влияние альянсов на внешнеполитическую свободу действий малых стран[9], а также часто встающей перед малыми странами союзнической дилемме («entrapment» vs «abandonment»)[10]. После окончания Холодной войны ученые также стали уделять значительное внимание изменившемуся соотношению выгод и издержек от участия в альянсах для малых стран[11].

Гораздо реже интерес исследователей привлекает тема роли и возможностей малых стран в отношениях между альянсами; в частности, когда малая страна является членом одного военно-политического блока, но при этом стремится развивать двусторонние и многосторонние отношения с государствами-участниками других альянсов. В нашей работе этот сюжет рассмотрен на примере Беларуси.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ, КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ И СТРУКТУРА ДОКЛАДА

Термин «малая страна» используется в теории международных отношений повсеместно и без какой-либо

---

8 См., например: Bailes, A.J.K., Thayer, B., and Thorhallsson, B. (2016) "Alliance Theory and Alliance "Shelter": The Complexities of Small State Alliance Behaviour". *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 1(1): 9–6; Karsh, E. (1988) *Neutrality and Small States*. Abingdon: Routledge.

9 См., например: Reiter, E., and Gaertner, H. eds. (1999) *Small States and Alliances*. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag.

10 Snyder, G.H. (1984) "The Security Dilemma in Alliance Politics", *World Politics*, 36(4): 461–495; Cha, V.D. (2000) "Abandonment, Entrapment, and Neoclassical Realism in Asia: The United States, Japan, and Korea". *International Studies Quarterly*, 44: 261–291.

11 См., например: Walt, S.M. (2009) "Alliances in a Unipolar World". *World Politics*, 61(1): 86–120; Archer, C., Bailes, A.J.K., and Wivel, A. (2014) *Small States and International Security: Europe and Beyond*. London and New York: Routledge.

Фото: depositphotos.com

эмоциональной окраски, как в англоязычных, так и в русскоязычных источниках. Есть два основных подхода к определению размера государств в международных отношениях: количественный и качественный. В первом случае учитываются такие количественные индикаторы «веса» страны, как размер ее территории, численность населения, ВВП, объем внешней торговли или оборонные расходы[12]. Общепринятого количественного критерия отнесения страны к категории малых нет, но иногда используется, например, «откровенно субъективная, если не произвольная» шкала, предложенная Дэвидом Виталем: среди экономически развитых стран к малым причисляются те, чье население не превышает 10–15 млн. человек, а среди развивающихся — страны с населением до 20–30 млн[13].

Во втором случае — при использовании качественного подхода — основной характеристикой малой страны является естественная потребность адаптироваться к существующей среде безопасности и неспособность самостоятельно формировать эту среду[14]. По определению Роберта Кеохейна:

> «[самостоятельно малые страны] мало что могут сделать, чтобы повлиять на системные факторы, которые оказывают на них воздействие, [поэтому они должны действовать] совместно с другими государствами и в больших группах, в которых [малое] государство имеет лишь минимальное влияние и в которых могут доминировать большие государства»[15].

В нашем исследовании для определения размера страны в системе международных отношений и региональной безопасности также используется качественный подход. Поэтому к малым восточноевропейским странам-участницам альянсов мы причисляем Польшу, Литву, Латвию и Эстонию (со стороны НАТО) и Беларусь (со стороны ОДКБ).

Под альянсом / военно-политическим блоком в исследовании понимается «формальная ассоциация государств, которые объединены общим обязательством использовать военную силу против государств, не являющихся членами ассоциации, для защиты целостности государств-членов»[16]. Также мы исходим из того, что «альянс базируется на письменном, преимущественно добровольном, формальном соглашении, договоре или конвенции государств, которые берут

12 Prasad, N. (2009) "Small but Smart: Small States in the Global System". In: Cooper, A.F., and Shaw, T.M. eds. *Between Vulnerability and Resilience.* New York: Palgrave Macmillan, p. 44.

13 Vital, D. (1967) *The Inequality of State: A Study of Small States in International Relations.* New York: Oxford University Press, pp. 8–9.

14 Amstrup, N. (1976) "The Perennial Problem of Small States: A Survey of Research Efforts". *Cooperation and Conflict*, 11(3), p. 178; Panke, D. (2010) *Small States in the European Union.* Aldershot: Ashgate, p. 15.

15 Keohane, R. (1969) "Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics". *International Organization*, 23 (2), p. 296.

16 Gaertner, H. (1999) "Small States and Alliances". In: Reiter, E. and Gaertner, H. eds. *Small States and Alliances.* Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, p. 2.

обязательство координировать свое поведение и политику в случае военного конфликта»[17].

В исследовании использовался качественный метод кейс-стади (case study)[18]. В его рамках применялись следующие методы сбора и обработки информации:

— анализ документальных источников;
— анализ релевантных событий (ивент-анализ);
— глубинные полуструктурированные интервью с действующими и бывшими официальными лицами и экспертами (всего проведено 21 интервью, часть из них анонимно и в формате «не под запись». См. «Список интервью»).

Основу исследованного кейса составило сотрудничество малых стран НАТО и ОДКБ после 2014 года, то есть после начала полномасштабного кризиса региональной безопасности в Восточной Европе на фоне военного конфликта на Донбассе. Для целей исследования взаимодействие по линии стран-членов двух военно-политических блоков преимущественно рассматривается как взаимодействие между самими блоками. С военной точки зрения двустороннее сотрудничество между отдельными государствами, представляющими конкурирующие / оппонирующие / враждующие альянсы, в конечном итоге работает на снижение уровня конфликтности и укрепление доверия между блоками. К тому же, в исследовании рассматриваются публичные, а не секретные формы контактов и взаимодействия. Малые страны-члены НАТО и ОДКБ не смогли бы осуществить их без соответствующих консультаций и обмена информацией с союзниками[19].

В начале основной части доклада рассмотрены факторы, одновременно препятствующие и способствующие сотрудничеству между малыми восточноевропейскими странами НАТО и ОДКБ. Соотношение этих факторов мы называем дилеммой «столкновение глобальных проектов vs общность региональных интересов». Далее изложен детальный анализ интересов Беларуси, которые в период 2014–2020 годов требовали от Минска активного продвижения примирительной повестки в межблоковых отношениях. Отдельно рассмотрены перспективы сохранения этой линии в белорусской внешней и оборонной политике в контексте внутриполитического кризиса 2020 года и его международных последствий. В заключении предложен ряд практических рекомендаций, направленных на сохранение прагматичного межблокового взаимодействия и на дальнейшее использование потенциала Беларуси для минимизации региональной напряженности в Восточной Европе.

---

17 Krause, V., and Singer, D. (1999) "Minor Powers, Alliances, and Armed Conflict: Some Preliminary Patterns". In: Reiter, E. and Gaertner, H. eds. *Small States and Alliances*. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, p. 16.

18 George, A.L. and Bennett, A. (2005) *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*. Cambridge, Massachusetts and London: MIT Press.

19 Интервью с бывшим сотрудником Министерства обороны Беларуси, 17.11.2020 г.

2

МАЛЫЕ СТРАНЫ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЬЯНСЫ: СТОЛКНОВЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ VS ОБЩНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

СТОЛКНОВЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Роль и возможности малых стран ОДКБ и НАТО в развитии отношений между двумя блоками ограничены и обусловлены базовыми межблоковыми различиями. В частности, различиями политических моделей и норм, а также отсутствием общности идей (для обозначения такой ситуации есть удачный немецкий термин «Ideengemeinschaft»). Некоторое разнообразие политических систем, норм и стандартов существует и внутри блоков, но оно отступает на задний план, когда на повестке — межблоковые отношения.

Это, безусловно, не исключает для военно-политических альянсов возможности выстраивать конструктивные отношения на основе общности интересов — «Interessengemeinschaft». И, соответственно, возможности для малых стран-членов этих блоков оказывать влияние на такие процессы. Например, Беларусь за последние годы не раз демонстрировала способность и политическую волю идти по ряду принципиальных для ОДКБ вопросов вразрез с доминирующей в организации позицией России и продвигать идею военного сотрудничества в Восточной Европе. В этом также проявлялось стремление малого государства-члена альянса отстоять свои локальные интересы, которые в чем-то противоречат глобальной логике межблокового противостояния. Генеральная линия Минска традиционно сводилась к необходимости снижать военно-политическую напряженность в восточноевропейском регионе и всеми доступными средствами сдерживать раскрутку «дилеммы безопасности» между двумя альянсами. В некоторых случаях Беларуси — с помощью ситуационной коалиции с другими государствами-членами ОДКБ — удавалось повлиять на итоговую политику всего блока.

Однако зеркального отражения таких подходов на противоположной стороне не наблюдается. В рамках НАТО имеет место иная динамика. Степень сплоченности блока НАТО (который по ряду вопросов безопасности на европейском континенте дополнительно усиливается структурами и программами ЕС) значительно выше, чем у любых постсоветских межгосударственных образований, включая ОДКБ[20].

Яркой иллюстрацией такого положения вещей стал международный кризис, с которым Восточная Европа столкнулась после событий в Крыму и на Донбассе в 2014 году[21]. Если в рамках ОДКБ сам кризис и его глобальные последствия обострили вопросы взаимного доверия и коллективного взаимодействия в разработке и реализации военно-политических решений, то в НАТО одной из основных стала тема дополнительных гарантий безопасности для восточных государств-членов[22]. Несмотря на все же имеющиеся различия в оценках рисков и угроз, которые неизбежны для организации с тремя десятками членов, Уэльский (2014 год)[23] и Варшавский (2016 год)[24] саммиты НАТО приняли «монолитные» решения в контексте украинского кризиса, в том числе решение о создании многонациональных боевых групп передового базирования в Польше и странах Балтии.

Нацеленность на практическое подтверждение гарантий безопасности восточноевропейским членам в условиях кризиса системы европейской безопасности

---

20 Интервью с Адамом Райхардтом, 5.11.2020 г.; интервью с ведущим научным сотрудником исследовательского института, работающего в интересах Правительства Российской Федерации, 05.12.2020 г.

21 Kucharczyk, J., and Mesezhnikov, G. eds (2015) *Diverging Voices, Converging Policies: The Visegrad States' Reactions to the Russia-Ukraine Conflict*. Warsaw: Heinrich-Böll-Stiftung.

22 Интервью с Лианой Фикс, 05.02.2021 г.

23 NATO, "Wales Summit Declaration", 2014. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm

24 NATO, "Warsaw Summit Communique", 2016. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm

Фото: depositphotos.com

(и, соответственно, успокоение — «reassurance» — последних со стороны всего альянса) накладывается на более глобальный процесс переосмысления современных международных отношений крупными государствами Североатлантического альянса. Такая переоценка подходов отражается в изменении оборонных и внешнеполитических доктрин этих стран, что неизбежно влияет и на адаптацию стратегического видения со стороны всего НАТО. К примеру, акцент на КНР и России как главных стратегических вызовах для Вашингтона в Стратегии национальной безопасности США, принятой администрацией Дональда Трампа, естественным образом задал «направление мысли» для всех союзников по НАТО[25].

В итоге конфронтация между двумя блоками после 2014 года вновь приобрела глубокий и во многом даже мировоззренческий характер. Отсутствие хотя бы базового взаимного доверия и значительная атрибутивная предвзятость по отношению друг к другу, при которой любое действие противоположной стороны воспринимается исключительно как злонамеренное, стали самыми существенными препятствиями для взаимодействия между НАТО и ОДКБ. Так, российские эксперты повсеместно подчеркивают как ключевую проблему «отсутствие предсказуемости в действиях Запада»[26]. По их словам, это относится в том числе и к основополагающим стратегическим вопросам: в среднесрочной перспективе напряженность между блоками может начать снижаться только в том случае, «если НАТО найдет действенный способ прояснить логику своих действий и дать гарантии ненападения» России и другим государствам-членам ОДКБ[27]. Однако точно такие же суждения, но уже в отношении России, распространены среди западных экспертов: «Россия воспринимается как всесторонняя угроза, в том числе в военной сфере», «действия Москвы за последние 10–15 лет подтверждают, что подозрения Запада в ее отношении были оправданны», «Россия автоматически ассоциируется с угрозой с Востока», «хотя немцы не чувствуют прямой угрозы со стороны России, они знают, что восточноевропейские члены НАТО думают иначе» и т.д[28].

Такой замкнутый круг взаимных атрибутивных предвзятостей стимулирует классическую ситуацию региональной «дилеммы безопасности»[29], то есть конфронтационную динамику, при которой одна сторона усиливает свой военный потенциал из-за опасений относительно потенциальных агрессивных действий другой стороны в условиях отсутствующей или неработающей институциональной архитектуры безопасности и низкого

25 White House, "National Security Strategy of the United States of America", 2017. https://trump whitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf

26 Интервью с Юлией Никитиной, 16.11.2020 г.

27 Интервью с представителем России в одной из подгрупп Трехсторонней контактной группы ОБСЕ, 05.12.2020 г.; интервью с бывшим высокопоставленным чиновником, 25.01.2021 г.

28 Интервью с Лукашем Кулесой, 20.01.2021 г.; Анной-Марией Дынер, 22.01.2021 г.; Лианой Фикс, 05.02.2021 г.

29 Herz, J. (1951) *Political Realism and Political Idealism: A Study in Theories and Realities*. Chicago: University of Chicago Press; Jervis, R. (1976) *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, NJ: Princeton University Press; Tang, S. (2009) "The Security Dilemma: A Conceptual Analysis". *Security Studies*, 18: 587–623.

уровня взаимного доверия. При этом сторона, усиливающая собственный военный потенциал (посредством и национальных программ вооружения, и интенсификации военно-политического сотрудничества с союзниками), воспринимает свои действия исключительно как защитную реакцию. Но другая сторона неизбежно видит и оценивает их сквозь призму опасений за свою безопасность, постоянно держа в уме вероятность скрытой повестки и долгосрочных агрессивных планов первой стороны. В результате психологическая и физическая конфронтация нарастает и приобретает спиралевидную динамику. Притом, как отмечает теоретик «дилеммы безопасности» Роберт Джервис, «даже если [государства] могут быть уверены, что текущие намерения других государств мирные, то не могут [...] исключить возможность, что они не станут агрессивными в будущем [...]»[30].

Малые восточноевропейские члены НАТО находятся в зоне непосредственного соприкосновения двух блоков и потому наиболее остро ощущают конфронтационную динамику между ними, а также собственную повышенную уязвимость перед этим противостоянием. Более того, на их восприятие накладываются и доминирующие в обществах исторические нарративы о враждебности России[31]. Под влиянием этих факторов государства стремятся постоянно поддерживать политическое и военное внимание союзников к ситуации на востоке, чем фактически способствуют еще большему закручиванию спирали «дилеммы безопасности»[32]. Для иллюстрации можно привести слова начальника Генштаба Польши Раймунда Андрейчака, который заявил: «Согласно НАТО, Россия является самой главной угрозой, а мы следуем этой установке, поскольку в этом состоят наши национальные интересы. Это прямая или даже физиологическая угроза самому нашему существованию»[33].

В результате восточноевропейские страны НАТО в некотором роде перманентно усиливают общий посыл крупных государств альянса о растущей стратегической угрозе со стороны России и ее союзников. Это ведет к «игре на повышение ставок» в региональной безопасности со стороны даже тех стран, которые рационально не должны быть в этом заинтересованы[34].

Фактически во всем регионе Восточной Европы и даже шире — в регионе Балтийского моря — в 2015–2020 годах Беларусь была единственным актором, который последовательно стремился «играть на понижение ставок» и снижать остроту «дилеммы безопасности»[35]. Однако глобальная политическая ситуация не благоприятствовала такой региональной повестке, несмотря на ее локальную рациональность и понятность. Некоторые эксперты отмечают, что Минск имел бы намного лучшие перспективы стать посредником между Россией и НАТО в 2004–2008 годах, когда напряженность и взаимное неприятие между ними еще не достигли такого уровня, как после 2014 года, но «тогда Лукашенко не приходило это в голову»[36].

Правда, до 2014 года у самого Минска не было сильной геополитической мотивации активно заниматься продвижением примирительной повестки в региональной безопасности (см. главу 3). А большинство политиков, дипломатов и экспертов в странах НАТО до событий в Крыму и на Донбассе не понимали «добавленной стоимости» Беларуси как стабилизирующего фактора безопасности в Восточной Европе. На западной ментальной карте Беларусь присутствовала исключительно как проблема в контексте ситуации с правами человека и демократией. Для всех стран НАТО содержательная коммуникация с белорусским руководством строго обусловливалась необходимостью прогресса по внутриполитическим вопросам, так как ситуация в области безопасности оставалась достаточно благоприятной, и в этой сфере острой необходимости разговаривать с авторитарным лидером Беларуси не возникало. К тому же мало кто в Польше и странах Балтии воспринимал Минск как самостоятельного актора в области международной безопасности, по крайней мере при выстраивании политических нарративов и подготовке стратегических документов[37], хотя в других странах НАТО оценки иногда отличались[38]. В самом Минске аналогичным образом многие воспринимали малые государства-члены НАТО[39].

Наконец, еще одно ограничение, не дающее малым членам НАТО и ОДКБ инициировать межблоковое сотрудничество, — «наслоение» различных институциональных рамок в восприятии вопросов безопасности и международного сотрудничества. Так, в ЕС распространено представление, что взаимодействие не может осуществляться лишь по линии НАТО. В понимании многих европейских политиков и экспертов, даже в вопросах безопасности базовым является проект «Европа», то

---

30 Jervis, R. (2001) "Was the Cold War a Security Dilemma?" *Journal of Cold War Studies*, 3 (1): 36–60.

31 Интервью с послом европейского государства, 13.11.2020 г.

32 Интервью с дипломатом из государства-члена ЕС, 05.12.2020 г.

33 Andrzejczak, R. "We Will Hit with Full Power", 2020. http://polska-zbrojna.pl/home/articleshow/30270?t-We-Will-Hit-with-Full-Power

34 Интервью с руководителем исследовательского института, работающего в интересах Правительства Российской Федерации, 04.12.2020 г.

35 Выступление Министра иностранных дел Беларуси В. Макея на 25-м заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ // МИД Республики Беларусь. — 06.12.2018. https://mfa.gov.by/press/statements/b5d427eb6975bc0f.html

36 Интервью с Юлией Никитиной, 16.11.2020 г.

37 Интервью с Адамом Райхардтом, 05.11.2020 г.; интервью с Лукашем Кулесой, 20.01.2021 г.; интервью с Анной-Марией Дынер, 22.01.2021 г.

38 Интервью с послом европейского государства, 13.11.2020 г.; интервью с Лианой Фикс, 05.02.2021 г.

39 Интервью с Андреем Савиных, 20.11.2020 г.; интервью с представителем МИД Беларуси, 21.01.2021 г.; интервью с бывшим высокопоставленным чиновником, 25.01.2021 г.

Фото: depositphotos.com

есть ассоциация государств с единым пространством в политической, экономической, идейной областях и в сфере безопасности. По словам известного своими евроатлантическими убеждениями Вацлава Гавела, «Европа — это единое политическое образование, чья безопасность — неделима»[40]. Хотя эти слова прозвучали в момент, когда Гавел доказывал необходимость принятия малых стран Восточной Европы в НАТО и ЕС, они, несомненно, отражают мнение влиятельных политических кругов в регионе и всем ЕС.

Неудивительно, что Договор о Европейском союзе очерчивает общую политику ЕС в области обороны как «неотъемлемую часть общей внешней политики и политики безопасности»[41]. Более того, политика в области обороны и безопасности включает в себя «выстраивание рамок (progressive framing) общей оборонной политики Союза»[42]. Такое в некоторой мере подсознательное понимание сформировалось по результатам победы Запада в Холодной войне, и уже к началу 2000-х годов возникла «архитектура европейской безопасности», которая на институциональном уровне включила в себя НАТО, ЕС, ОБСЕ и, в отдельных аспектах, Совет Европы[43]. С одной стороны, Россия и ее союзники являются полноправными членами части из этих организаций. С другой, через три десятилетия после принятия Парижской хартии для Новой Европы место этих стран в общеевропейской архитектуре безопасности так и не было найдено[44]. А глубинные противоречия в области прав человека и демократии, как в очередной раз показали события в Беларуси после президентских выборов 2020 года, способны полностью «перекрывать» взаимовыгодную повестку сотрудничества в области военной безопасности[45].

В некоторой степени аналогично — то есть выходя за рамки ОДКБ — формируется и белорусское восприятие архитектуры региональной безопасности. Здесь вместо евроатлантической рамки выбирается евразийская, которая предполагает включение Китая и фактически дальнейшее отведение Пекину одной из ключевых ролей. Это заметно по многочисленным заявлениям белорусских официальных лиц. В частности, Александр Лукашенко полагает: «Только многополярный мир может удержать и спасти нашу планету от разрушения. Ни одна система не может долго устоять на одной опоре. Чем их больше, тем мощнее система. И одной из опор этой многополярности и устойчивости является КНР. Мы крайне заинтересованы, чтобы эта опора постоянно укреплялась [...] Будет мощный и сильный Китай — будет суверенная и независимая Беларусь. Потому

40 Havel, V. "Europe: A Single Political Entity whose Security is Indivisible", 2020. https://www.irishtimes.com/news/europe-a-single-political-entity-whose-security-is-indivisible-1.1103489

41 EU, Consolidated Version of the Treaty on European Union, Art. 42, 2012. https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF

42 Там же.

43 Goda, S. (2015) "European Security Architecture and the Conflict in Ukraine", *International Issues and Slovak Foreign Policy Affairs*, 1–2: 3–4.

44 Интервью с руководителем исследовательского института, работающего в интересах Правительства РФ, 04.12.2020 г.; интервью с аналитиком БИСИ, 21.11.2020 г.

45 Интервью с Квинси Клоетом, 21.11.2020 г.; интервью с Лукашем Кулесой, 20.01.2021 г.

что это наш друг, на плечо которого мы всегда сможем опереться»[46].

Уже сейчас можно говорить и о постепенном сращивании структур и механизмов в области международного военного сотрудничества, выстраивавшихся в формате трех организаций: СНГ, ШОС и ОДКБ[47]. Официальный Минск приветствует эти процессы. Показательно, что, призывая в октябре 2019 года стороны регионального противостояния «вернуться к концепции европейской безопасности, основанной на сотрудничестве», Александр Лукашенко предложил «принять документ стратегического характера по укреплению международной безопасности в Евро-Атлантике и в более широком масштабе» и акцентировал, что «сегодня невозможно решить эти вопросы без Китайской Народной Республики»[48].

И в случае восточноевропейских стран НАТО, и в случае Беларуси такие широкомасштабные подходы могут помешать политикам и широкой общественности понять региональные потребности и динамику в области безопасности как таковой. А также — понять свои возможности и ответственность в контексте региональной безопасности.

ОБЩНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Несмотря на все перечисленные препятствия для сотрудничества между ОДКБ и НАТО, зарождение межблокового сотрудничества, пусть медленное, неуверенное и, возможно, даже не воспринимаемое таким образом, все же можно было наблюдать после 2014 года. Его инициаторами были именно малые страны-члены двух альянсов: в одних случаях официальные лица, а в других — неправительственные акторы. Притом это сотрудничество осуществлялось как на уровне идей и стратегических концепций, так и на уровне текущего практического взаимодействия.

В качестве относительно недавнего примера концептуального взаимодействия можно привести осторожную поддержку Александром Лукашенко предложения бывшего президента Литвы Роландаса Паксаса о демилитаризации Калининградской области и всего балтийского региона; идея изначально была публично сформулирована еще в декабре 2018 года, а президент Беларуси высказался по этому поводу во время встречи с Паксасом 3 мая 2019 года. О позитивной реакции Лукашенко на это предложение известно со слов Паксаса, в то время как официальный вебсайт руководителя Беларуси об этом умалчивает, что подчеркивает осторожное отношение Минска к теме[49].

При этом Беларусь не раз заявляла о готовности поддержать сокращение военной активности в регионе. Она демонстрировала такие намерения, осуществляя перегруппировку своих сил (например, фактическое отведение от украинской границы в центральные регионы ряда частей, в том числе и после 2013 года; вывод из эксплуатации важных объектов военной инфраструктуры), реформируя армию (сокращение численности персонала; расформирование заметного числа подразделений по всей стране; устойчиво сохранявшаяся до выборов 2020 года тенденция к отказу от наступательных вооружений) и в течение многих лет высказывая возражения против постоянного присутствия российских войск на своей территории (не только авиационной базы, но и управляемых военными России ОТРК «Искандер»).

Однако практическое сотрудничество представляется более важным и показательным индикатором взаимного интереса. Если обратиться к фактам последних лет, то становится очевидно, что до начала политического кризиса в Беларуси в 2020 году взаимодействие между малыми странами НАТО и ОДКБ развивалось по нарастающей.

Одно измерение сотрудничества связано с попытками сохранить региональные основы контроля над вооружениями и меры доверия. На фоне выхода крупных мировых игроков из международных соглашений, направленных на обеспечение прозрачности военной деятельности, малые страны НАТО и ОДКБ продолжают их выполнять. Например, это долгое время касалось такого основополагающего документа, как Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Россия приостановила свое участие в ДОВСЕ и, соответственно, отказалась от предусмотренных им инспекций еще в 2007 году, а в марте 2015 года вышла из соглашения окончательно. Несмотря на это, Беларусь не последовала примеру союзника и осталась действующим подписантом ДОВСЕ. К тому же, в рамках двусторонних договоров о региональных мерах доверия с Литвой (заключен в 2001 году) и Латвией (заключен в 2004 году) Минску удалось закрепить обязательство Вильнюса и Риги осуществлять предусмотренный ДОВСЕ обмен информацией, хотя эти страны

---

46 Государственный визит в Китайскую Народную Республику // Сайт Президента Республики Беларусь. — 30.09.2016. https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-predseda-telem-vsekitajskogo-komiteta-narodnogo-politicheskogo-konsultativnogo-soveta-kitaja-juj-14530

47 Богдан С. Коронакратия: ОДКБ: В поиске смыслов существования // Минский диалог. — 29.06.2020. https://minskdialogue.by/research/opinions/odkb-v-poiske-smyslov-sushchestvovaniia

48 Удзел у міжнароднай канферэнцыі "Еўрапейская бяспека: адысці ад краю бездані" // Прэзідэнт Беларусі. — 08.10.2019. https://president.gov.by/be/events/udzel-u-mizhnarodnaj-kanferentsyi-eurapejskaja-bjaspeka-adystsi-ad-kraju-bezdani-22178

49 Экс-президент Литвы: Лукашенко высказался за демилитаризацию в Балтийском регионе // ТАСС. — 03.05.2019. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6399061

не являются его подписантами[50]. Таким образом, посредством этого механизма стандарты ДОВСЕ фактически продолжают позитивно влиять на отношения НАТО и ОДКБ в регионе их непосредственного соприкосновения.

Во многом похожая динамика с большой вероятностью намечается и на фоне объявленного США выхода из Договора по открытому небу (ДОН) и последовавших аналогичных заявлений с российской стороны. Малые страны НАТО и ОДКБ, будучи связанными союзническими обязательства с ведущими акторами в рамках этих организаций, играют важную роль, продолжая обеспечивать друг другу доступ к информации и инспекциям своей военной деятельности (например, Беларусь ежемесячно проводила и принимала около пяти-шести инспекций в рамках ДОВСЕ и ДОН в период до пандемии). Несомненно, эффективность этих усилий зависит от способности малых стран с обеих сторон взаимодействовать друг с другом не меньше, чем от их сотрудничества со своими союзниками.

Более неоднозначная ситуация сложилась вокруг Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Минск настойчиво защищал договор усилиями своих дипломатов и высшего руководства. И даже когда соглашение выглядело уже безнадежным, Лукашенко заявил, хотя и не без оговорок: «Мы ни в коем случае не будем инициаторами нехороших дел по разрушению этого договора. Более того, мы никогда не станем такие ракеты размещать на территории Беларуси для того, чтобы усложнять обстановку (если это не угрожает нашей безопасности)»[51].

На фоне почти полного разрушения глобальной системы контроля над вооружениями и, соответственно, подрыва основ стратегической стабильности соответствующее взаимодействие между малыми странами-членами НАТО и ОДКБ приобретает особое значение для региональной безопасности в Восточной Европе. Однако для региональной стабильности и в целом для сдерживания напряженности между НАТО и ОДКБ не менее важно и взаимодействие малых стран по другим направлениям, истоки которого, по-видимому, можно искать в сложившемся к весне 2018 года двойственном подходе России и НАТО к существующим между ними противоречиям, в том числе в регионе Восточной Европы.

Со стороны НАТО такая двойственность, очевидно, не в последнюю очередь была связана с политикой администрации Дональда Трампа. И США, и НАТО наладили рабочие контакты с российской стороной (например, между главнокомандующим силами НАТО в Европе и начальником российского Генштаба), пытались возобновить работу Совет «Россия — НАТО»[52]. Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг регулярно заявлял о готовности сочетать сдерживание с диалогом — вести «двойственную политику»[53]. Вашингтон же на фоне критики российской политики в регионе, а также выделения Латвии, Литве и Эстонии значительных средств на закупку боеприпасов, снаряжения и обучение военнослужащих устами Трампа призывал балтийских руководителей к диалогу и улучшению отношений с Россией[54].

Одним из заметных событий в рамках сотрудничества на уровне восточноевропейских стран НАТО и ОДКБ в последние годы стал официальный визит начальника Генштаба Беларуси Олега Белоконева в Латвию 25–27 сентября 2018 года. В ходе переговоров Белоконева с командующим вооруженными силами Латвии Леонидсом Калниньшем обсуждались не только темы двустороннего военного сотрудничества, но и вопросы «региональной безопасности и союзнических обязательств сторон». То, что встреча имела значение и для взаимодействия по линии НАТО — ОДКБ, следует и из такой детали: по официальной информации, обсуждались контакты между ВВС и ПВО Беларуси и ВВС Латвии, что особенно важно на фоне обеспокоенности, высказываемой Россией и НАТО по поводу военной деятельности друг друга в воздушном пространстве Балтии[55].

Схожие контакты осуществлялись и с Польшей. На фоне эскалации противостояния стран НАТО и России в 2016, 2018 и 2019 годах министерства обороны Беларуси и Польши проводили ежегодные консультации[56]. А в ходе визита в Варшаву 12–14 марта 2019 года председатель Совета Республики Национального собрания Михаил Мясникович обсудил с президентом Анджеем Дудой, премьер-министром Матеушем Моравецким и другими высшими должностными лицами Польши проблему создания военной базы США. Это еще одна важнейшая тема в контексте развертывания НАТО в регионе и отношения к нему со стороны ОДКБ. По словам Мясниковича, «польская сторона […] заверяла […], что это ни в коем случае не должно привести к некой эскалации

50 Интервью с представителем МИД Беларуси, 21.01.2021 г.

51 Лукашенко: появилась обнадеживающая информация, связанная с ракетами средней и меньшей дальности // Belta. — 17.09.2019. https://www.belta.by/president/view/lukashenko-pojavilas-obnadezhivajuschaja-informatsija-svjazannaja-s-raketami-srednej-i-menshej-dalnosti-362368–2019/

52 US Departement fo State, "Foreign Ministers Setting Stage for NATO Summit, Secretary General Says", 2018. https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1504441/foreign-ministers-setting-stage-for-nato-summit-secretary-general-says/

53 НАТО запускает в новый дом Россию // Коммерсант. — 28.04.2018. https://www.kommersant.ru/doc/3618182

54 Jackson, D., and Korte, G. (2018) "Donald Trump to Baltics: I've been tough on Russia, but want better relations", *USA TODAY*, https://www.usatoday.com/story/news/politics/2018/04/03/donald-trump-meets-baltic-leaders-worried-russia/480957002/

55 Беларусь и Латвия могут провести совместную тренировку по обмену информацией о полетах // Belta. — 26.09.2018. https://www.belta.by/society/view/belarus-i-latvija-mogut-provesti-sovmestnuju-trenirovku-po-obmenu-informatsiej-o-poletah-319286–2018/

56 В рамках двустороннего военного сотрудничества // Министерство обороны Беларуси. — 04.03.2019. https://www.mil.by/ru/news/84876/

напряженности. Польская сторона […] услышала нашу обеспокоенность. Будут соответствующие диалоги на уровне министров обороны и по линии МИД»[57]. Действительно, уже 28 марта в Варшаве состоялась многосторонняя встреча представителей генштабов Беларуси, Литвы, Польши и Украины, посвященная мерам по укреплению доверия и безопасности в регионе[58].

Еще одна малая страна НАТО — Эстония — также стремилась внести вклад в налаживание сотрудничества, которое во всем, кроме собственно названия, можно считать взаимодействием НАТО и ОДКБ. 12 июня 2019 года Беларусь посетила делегация во главе с директором департамента международного сотрудничества Минобороны Эстонии Евой Вунго[59]. Обсуждались не только и даже не столько состояние и перспективы двустороннего взаимодействия в военной сфере, сколько вопросы региональной и международной безопасности.

Эти и другие контакты давали конкретные результаты. Так, например, 18–19 июня 2019 года в ходе визита командующего ВВС и ПВО Беларуси Игоря Голуба в Польшу было подписано техническое соглашение между оборонными ведомствами двух стран об обмене информацией о воздушной обстановке вблизи совместной государственной границы и полетах военных воздушных судов в воздушном пространстве Беларуси и Польши[60]. 26 июля 2019 года состоялся официальный визит в Беларусь министра иностранных дел Латвии Эдгарса Ринкевичса, в ходе которого он встретился с министром обороны Беларуси Андреем Равковым, а уже 18–19 августа Минск с официальным визитом посетил командующий вооруженными силами Латвии Леонидс Калниньш.

Постепенно к развитию отношений на региональном уровне открыто подключились и США. 30 августа 2019 года советник президента США по национальной безопасности Джон Болтон посетил Минск, где встретился с Александром Лукашенко. На следующий день государственный секретарь Совета безопасности Беларуси Станислав Зась принял участие во встрече в офисе Бюро национальной безопасности (БНБ) Польши с участием Дж. Болтона, а также руководителя БНБ Павла Соляха и секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины Александра Данилюка[61].

В очередной раз Зась встретился с главой Бюро нацбезопасности Польши Павлом Солохом для обсуждения актуального положения и мер доверия 4 ноября 2019 года[62].

Контакты Беларуси с восточноевропейскими странами-членами НАТО сопровождались усилением взаимодействия с ведущими государствами альянса, особенно с США и Великобританией. Конечно, многое в этих отношениях не обнародуется для общественности. Пример тому — встреча представителей Минобороны Беларуси и США 3 декабря 2019 года в Минске, о которой не известно почти ничего, даже состав участников. Минск работал и над развитием сотрудничества с Великобританией. 5 ноября 2019 года в Лондоне состоялась рабочая встреча представителей министерств обороны Беларуси и Великобритании, результатом чего стало участие британской морской пехоты в учениях на территории Беларуси в 2020 году[63]. Для сравнения, взаимодействие с Германией такими масштабами не отличается: лишь в ноябре 2018 года Минск посетил парламентский госсекретарь Минобороны Германии Томас Зильберхорн[64].

Интенсификация отношений на уровне малых стран НАТО и ОДКБ, а также участие в них лидеров блоков прошли в основном незамеченными для экспертного сообщества, несмотря на очевидные факты. Между тем, можно констатировать, что на рубеже 2019 и 2020 годов, до начала пандемии коронавируса, взаимодействие малых стран двух блоков стабильно нарастало.

12 ноября 2019 года в Гродно между министерствами обороны Беларуси и Польши состоялись консультации по планированию двустороннего военного сотрудничества с участием директора департамента военных иностранных дел Минобороны Польши Томаша Ковалика[65]. К военным контактам с Минском с середины 2010-х годов подключилась и Литва, которая в силу ряда

---

57 Мясникович обсудил с Дудой вопрос о создании военной базы США «Форт Трамп» // TUT.by. — 18.02.2019. https://news.tut.by/economics/626703.html?crnd=64805

58 В рамках развития «пояса добрососедства» // Министерство обороны Беларуси. — 29.03.2019. https://www.mil.by/ru/news/85607

59 Минский диалог. «Минский барометр». — № 9–2019. https://minskdialogue.by/Uploads/Files/research/reports/pdf/MB_9_ru.pdf

60 Министерство обороны информирует // Во славу Родины. — 20.06.2019. https://vsr.mil.by/rubrics/aktualno/the_ministry_of_defence_informs—-/

61 Секретарь Совбеза Беларуси Станислав Зась встретился в Польше с советником президента США Трампа // TUT.by. — 31.08.2019. https://news.tut.by/economics/651689.html

62 Зась обсудил с польским коллегой проблематику международной безопасности // Belta. — 04.11.2019. https://www.belta.by/politics/view/zas-obsudil-s-polskim-kollegoj-problematiku-mezhdunarodnoj-bezopasnosti-368080–2019/

63 В Лондоне прошла встреча представителей Минобороны Беларуси и Великобритании // СБ. Беларусь сегодня. — 06.11.2019. https://www.sb.by/articles/v-londone-proshla-vstrecha-predstaviteley-minoborony-belarusi-i-velikobritanii.html; Белорусские и британские военные обменяются опытом тактической и инженерной подготовки // Belta. — 05.03.2020. https://www.belta.by/society/view/belorusskie-i-britanskie-voennye-obmenjajutsja-opytom-takticheskoj-i-inzhenernoj-podgotovki-382147–2020/

64 Министр обороны Беларуси встретился с парламентским государственным секретарем Федерального министерства обороны Германии // ВоенТВ. — 01.11.2018. https://www.voentv.mil.by/ru/news-ru/view/ministr-oborony-belarusi-vstretilsja-s-parlamentskim-gosudarstvennym-sekretarem-federalnogo-ministerstva-oborony-germanii-3390–2018/

65 В рамках двустороннего военного сотрудничества // Министерство обороны Беларуси. — 12.11.2019. https://www.mil.by/ru/news/94715/

причин (в частности, из-за противоречий вокруг Белорусской АЭС) занимает наиболее критическую позицию при формировании политики НАТО и ЕС в отношении Беларуси. Например, 4 декабря 2019 года в Минск приезжал директор по вопросам оборонной политики Минобороны Литвы Робертас Шапронас[66]. Еще только начиная восстанавливать отношения с Минском, он заявил: «Напряженность и тотальное недоверие в отношениях России и Запада никак не перешли на двусторонние отношения Литвы с Беларусью, несмотря на различные направления интеграции наших стран. Я полагаю, что это очень важный положительный фактор для безопасности в нашем регионе»[67].

По результатам 2019 года в интервью «Белорусской военной газете» начальник департамента международного военного сотрудничества Минобороны Олег Воинов отмечал, что за год было проведено более чем на 20% больше мероприятий международного военного сотрудничества по сравнению с 2018 годом[68]. В 2018 году состоялось около 500 мероприятий, тогда как в январе–ноябре 2019 года — более 600 (из них с Россией за весь 2019 год — 140).

Воинов заявил и о прогрессе в создании «пояса добрососедства», о чем свидетельствовала четырехсторонняя встреча заместителей начальников генштабов Беларуси, Украины, Польши и Литвы. Он также высказывал надежду на сохранение положительной динамики и вовлечение более крупных стран НАТО: «Мы ожидаем значительного позитива в отношениях с Великобританией, ФРГ. Надеемся также, что так называемый ледниковый период в наших отношениях с Польшей станет страницей прошлого». Среди конкретных достижений Воинов отметил: «Мы добились того, что нам стали предоставлять данные о многонациональных штабах и батальонных тактических группах на территориях Польши и стран Балтии». Такой обмен информацией, очевидно, способствовал повышению транспарентности не только между Беларусью и НАТО, но и в межблоковых отношениях[69].

На 2020 год возлагались большие надежды в плане дальнейшего расширения военного сотрудничества. В феврале в Минске прошел 4-й раунд консультаций экспертов Беларуси и НАТО по мерам доверия и безопасности. В нем принял участие директор Центра по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению оружия массового уничтожения международного секретариата НАТО Уильям Альберк[70]. В начале марта на полигоне под Витебском состоялись уже упомянутые белорусско-британские учения «Зимний партизан»[71]. Однако пандемия и начавшийся летом 2020 года политический кризис в Беларуси фактически нивелировали достижения последних лет в отношениях малых стран НАТО и ОДКБ в восточноевропейском регионе.

---

66 Беларусь и Литва обсудили перспективы военного сотрудничества // Интерфакс. — 24.12.2019. https://interfax.by/news/policy/vneshnyaya_politika/1268279/

67 Литва и Беларусь подписали план военного сотрудничества на 2016 год // Delfi. — 09.12.2015. https://www.delfi.lt/ru/news/politics/litva-i-belarus-podpisali-plan-voennogo-sotrudnichestva-na-2016-god.d?id=69806922

68 Праздник белорусских военных дипломатов // Во славу Родины. — 21.11.2019. https://vsr.mil.by/rubrics/data_v_kalendare/the_celebration_of_the_belarusian_military_diplomats/

69 Интервью с бывшим сотрудником Министерства обороны Беларуси, 17.11.2020 г.; интервью с дипломатом из государства ЕС, 05.12.2020 г.; интервью с экспертом-конфликтологом, работающим в интересах Правительства Российской Федерации, 27.01.2021 г..

70 О встрече заместителя Министра иностранных дел А. Дапкюнаса с директором Центра по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению оружия массового уничтожения международного секретариата НАТО // МИД Беларуси. — 04.02.2020. https://mfa.gov.by/press/news_mfa/b9e5e12268a6f7d9.html

71 Белорусско-британский «Зимний партизан» // Euronews. — 05.03.2020. https://ru.euronews.com/2020/03/05/british-soldiers-in-belarus

3

ИНТЕРЕСЫ БЕЛАРУСИ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЬЯНСЫ

ЛОГИКА ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ОДКБ

Для Беларуси, как и любого небольшого государства, главной задачей внешней и оборонной политики является защита и сохранение независимости и суверенитета[72]. В отличие от ситуации с крупными государствами, цена ошибки в большинстве случаев непозволительно высока, и это, среди прочего, обуславливает специфику международного поведения Минска. Поэтому Беларусь в первую очередь заинтересована в выстраивании такой конфигурации системы региональной безопасности, которая наилучшим образом способствовала бы достижению главной задачи ее внешней политики. Из-за особенностей своего геополитического положения — в зоне столкновения интересов крупных центров силы — Минск традиционно вынужден прибегать к внешнеполитическому лавированию и реализовывать в той или иной степени политику многовекторности[73].

В начале 1990-х годов, сразу после обретения независимости, в Беларуси шла активная дискуссия о возможности и целесообразности провозглашения нейтрального статуса, который, по мнению некоторых политиков и экспертов, в долгосрочной перспективе способствовал бы реализации базовых национальных интересов. В результате этих дебатов положение о стремлении к нейтральному статусу Беларуси было включено в Конституцию 1994 года. Несмотря на эту конституционную норму, в реальности белорусскому нейтралитету не суждено было воплотиться в жизнь по причине конкретных политико-военных реалий, существовавших на тот момент в регионе и внутри страны.

С учетом исторического опыта, структуры экономики и торгово-экономического взаимодействия, культурных и иных связей выбор был сделан в пользу всестороннего союза с Россией, в том числе и в военной сфере. На практике это выразилось в присоединении Беларуси к Договору о коллективной безопасности совместно с Азербайджаном, Арменией, Грузией, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном уже в конце 1993 года. Впоследствии, в 2002 году, было принято решение о трансформации договорной системы в полноценную международную организацию региональной коллективной безопасности.

Если исходить из базовых национальных интересов Беларуси (сохранение и укрепление государства, поддержание социальной и политической стабильности, обеспечение безопасности) и понимания ее политической элитой места страны в мире и регионе (небольшое государство, экономически в значительной мере «завязанное» на Россию и имеющее для последней большое стратегическое значение), становится понятна логика белорусского руководства при присоединении к ОДКБ. Она продиктована не столько императивами единства интересов с другими государствами-членами альянса в области безопасности или общего понимания угроз, сколько осознанием важности учета военно-политических интересов России[74]. В обмен на это Минск стремился получить поддержку долгосрочной стабильности установленной в Беларуси политической системы и благоприятный режим в сфере экономического взаимодействия. То есть членство в ОДКБ фактически стало частью большой стратегической сделки между Минском и Москвой, основа которой была заложена еще до прихода к власти Александра Лукашенко[75].

При этом в ОДКБ как таковой Минск был заинтересован не так значительно. Для поддержания военной

---

72 Mosser, M. W. (1999) "Engineering Influence: The Subtle Power of Small States in the CSCE/OSCE". In: Reiter, E. and Gaertner, H. eds. *Small States and Alliances*. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, p. 64.

73 Прейгерман Е. Слухи о конце многовекторности сильно преувеличены //Минский диалог. — 07.12.019. https://minskdialogue.by/research/opinions/slukhi-o-kontce-mnogovektornosti-silno-preuvelicheny

74 Интервью с бывшим сотрудником Министерства обороны Беларуси, 17.11.2020 г.

75 Интервью с Александром Алесиным, 10.11.2020 г.

Фото: odkb-csto.org

безопасности Беларуси достаточно Региональной группировки сил и гарантий безопасности со стороны России.

Несмотря на кажущееся разнообразие участников, ОДКБ географически узко специализирована. Единственным реальным направлением работы организации с 1990-х годов было среднеазиатское. Лишь там развернуты инфраструктура и силы, на постоянной основе ассоциированные с ОДКБ. А подавляющее большинство мер в области военной безопасности, которые отрабатываются в рамках ОДКБ, направлены на противодействие угрозам, касающимся этого региона[76]. Это следует как из официальных заявлений[77], так и из специфики учений ОДКБ. Главным образом отрабатываются меры противодействия тактике радикальных исламских групп. При этом отсутствие реакции ОДКБ на события в Кыргызстане в 2009 году показало, что готовность организации к реальным многосторонним действиям даже в Центральной Азии низкая.

На других направлениях формально связанные с ОДКБ виды деятельности весьма скромны, а отношения между странами-участницами объединения, по сути, являются двусторонними. Поэтому государства вне центральноазиатского региона минимально представлены в учениях, касающихся этого региона. Примером может служить серия учебных мероприятий Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР), прошедших 8–29 октября 2019 года последовательно на шести полигонах России, Беларуси и Таджикистана и сведенных воедино как учения «Боевое братство»[78]. В их рамках были отработаны действия по локализации приграничного конфликта и противодействию экстремистским организациям и незаконным вооруженным формированиям. Всего в учениях приняли участие около 10 тыс. военнослужащих из шести стран. Однако основная часть маневров прошла во внутренних регионах России, а ключевой, заключительный, этап — совместное учение «Нерушимое братство-2019» — в Таджикистане (21–29 октября). И в нем с белорусской стороны участвовала лишь одна миротворческая рота 103 отдельной воздушно-десантной бригады[79].

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

По прошествии почти 20 лет с момента создания ОДКБ интересы Беларуси как в политической области, так и в сфере безопасности существенным образом эволюционировали в направлении необходимости обеспечить более устойчивый внешнеполитический баланс,

76 Богдан С. Коронакратия: ОДКБ: В поиске смыслов существования // Минский диалог. — 29.06.2020. https://minskdialogue.by/research/opinions/odkb-v-poiske-smyslov-sushchestvovaniia

77 Например: Дудина Г., Карабеков К. Войска к миру готовы // Коммерсант. — 29.11.2019. https://www.kommersant.ru/doc/4173462

78 Боевое братство-2019 // ОДКБ. — 28.10.2019. https://odkb-csto.org/training/the_brotherhood_of_war_2019/

79 Белорусские миротворцы убыли в Таджикистан для участия в учении «Нерушимое братство-2019» // ВоенТВ. — 24.10.2019. https://www.voentv.mil.by/ru/news-ru/view/belorusskie-mirotvortsy-ubyli-v-tadzhikistan-dlja-uchastija-v-uchenii-nerushimoe-bratstvo-2019-3733-2019/

маневренность и независимость. Решающее влияние на этот процесс оказали несколько факторов.

Во-первых, расширение Европейского союза и НАТО на восток и включение в эти организации большинства стран-соседей Беларуси создали совершенно новую геополитическую реальность. Теперь Минску необходимо было выстраивать конструктивные и выгодные отношения уже не только с отдельными странами-соседями, но и с этими объединениями.

Во-вторых, постепенная эволюция экономики и внешней торговли страны привела к изменению структуры внешнеэкономической деятельности. Западное направление стало приобретать больший вес, чем ранее. Так, например, доля Евросоюза в белорусском экспорте в некоторые годы в середине первого десятилетия XXI века превышала долю России[80].

В-третьих, Россия со временем стала оказывать большее давление на Минск и другие столицы постсоветских государств с целью включить их в интеграционные объединения под своей эгидой, которые напрямую конкурировали бы с европейскими и евроатлантическими структурами. Постепенное преодоление масштабного кризиса 1990-х годов и усиление военной мощи позволяло России все более настойчиво добиваться целей в сфере своих «привилегированных интересов»[81]. Пример тому — конфликты в Грузии (2008 г.) и Украине (2014–2015 гг.). Эти действия Москвы вместе с постоянными белорусско-российскими конфликтами в торговой сфере (особенно это касается энергоресурсов) побуждали белорусское руководство искать возможности диверсификации внешней политики, а также развития более активного сотрудничества в вопросах безопасности со всеми соседями.

Особенную актуальность эти задачи приобрели после украинских событий 2014–2015 годов. Последовавшее за ними резкое и всестороннее ухудшение отношений между Россией и Западом привело к тому, что фактически впервые с 1991 года у Минска отношения с ЕС и НАТО стали менее проблемными и напряженными, чем у Москвы.

С одной стороны, такая новая структурная ситуация создала для Беларуси дополнительные вызовы и угрозы в области безопасности. В случае дальнейшей эскалации напряженности между Россией и НАТО (особенно с учетом деградации каналов коммуникации и мер доверия между Москвой и западными столицами) повышались риски военных инцидентов и кризисов, которые с высокой вероятностью «задели» бы белорусскую территорию. А более глобально перед Минском вырисовывалась перспектива оказаться втянутым в нарастающий геополитический российско-западный конфликт в качестве союзника Москвы, но фактически без права голоса[82]. Как показали действия России в Крыму, Москва не склонна даже заблаговременно информировать союзников о намеченных действиях по вопросам, которые входят в непосредственную компетенцию ОДКБ и неизбежно оказывают прямое влияние на безопасность союзников.

С другой стороны, у Беларуси сохранялась очевидная заинтересованность в союзнических отношениях с Россией. Поэтому, вместе с потребностью минимизировать риски для собственной безопасности на фоне вызванных украинским кризисом структурных изменений в международных отношениях, это обстоятельство служило для Минска мощным стимулом развивать примирительную повестку в отношениях между двумя ключевыми для безопасности в Восточной Европе военно-политическими блоками. Ранее, когда обстановка в региональной безопасности была гораздо более благоприятной, таких миротворческих стимулов Минск не имел. Да и возможностей продвигать такую повестку у Минска не было, так как отношения с западными государствами у Беларуси были хронически хуже, чем у России. А после 2014 года у Минска возник очевидный интерес в налаживании взаимодействия с НАТО и, прежде всего, его государствами-членами из числа соседей Беларуси для снижения рисков региональной безопасности.

В-четвертых, за период независимости в Беларуси значительно эволюционировало общественное мнение. Если в начале 1990-х годов подавляющее большинство белорусов высказывалось за союз и даже объединение с Россией, то сейчас геополитические предпочтения существенным образом сдвинулись в пользу полной независимости Беларуси[83]. Также популярность начали набирать идеи внеблоковости или, что особенно характерно для белорусского общества, необходимости взаимовыгодного сотрудничества со всеми блоками и организациями, даже если такое сотрудничество осложнено глубокими противоречиями между этими организациями. Эволюция общественных настроений дополнительно подтолкнула белорусское руководство к проведению многовекторной внешней политики, в том числе и в вопросах безопасности. При этом сам Минск никогда не ставил

---

80 Официальная статистика. Внешняя торговля // Белстат. — 2020. https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/

81 Пять принципов президента Медведева // Российская газета. — 01.09.2008. https://rg.ru/2008/09/01/princypi.html

82 Preiherman, Y. "Pandemic Heightens Need to Reset Belarus-Russia Ties", *Carnegie Endowment for International Peace*, 2020. https://carnegieendowment.org/2020/05/27/pandemic-heightens-need-to-reset-belarus-russia-ties-pub-81909

83 Мельянцов Д. Реформ: Геополитика и реформы: на кого опереться реформаторам? // BISS Блиц. — 2015. — № 4. https://belinstitute.com/sites/default/files/2020-05/BISS_Blitz04_2015ru.pdf

под сомнение обязательства Беларуси в рамках коллективной безопасности[84].

ВЛИЯНИЕ БЕЛАРУСИ В РАМКАХ ОДКБ И СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Возможности Беларуси влиять на принятие решений в рамках ОДКБ ограничиваются несколькими обстоятельствами. Прежде всего, повторимся, что заинтересованность официального Минска в членстве в этой организации обусловлена, главным образом, важностью ОДКБ для России. То есть через ОДКБ Беларусь, как и другие государства-члены, фактически укрепляет двусторонние отношения с Москвой, в том числе поддерживая союзнический уровень доверия[85]. Сама же по себе ОДКБ для Беларуси имеет второстепенное значение из-за существенных различий в интересах между странами-членами. Вопросы безопасности Минск и Москва могут решать и решают более эффективно на двустороннем уровне в рамках Союзного государства, не прибегая к более сложным многосторонним механизмам ОДКБ.

Кроме того, ОДКБ все еще находится на стадии оформления в качестве полноценной международной организации. Она обладает ограниченным набором механизмов и программ взаимодействия, что само по себе ограничивает пространство для потенциального внедрения белорусских инициатив. Например, в отличие от НАТО, в ОДКБ отсутствуют: общая разведка, единая система ПВО, единые центры военной подготовки, ситуационный центр, региональные штабы, объединенное командование сил быстрого реагирования, общие исследовательские программы и многое другое.

Тем не менее Беларусь пытается влиять на принятие решений в рамках ОДКБ. Как правило, цель таких действий — реализация интереса Беларуси в какой-то другой, внешней по отношению к ОДКБ области. Так, в 2009 году Александр Лукашенко бойкотировал подписание соглашения о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) в рамках ОДКБ, чем тогда фактически подорвал их легитимность[86]. Затягивая подписание важного для России пакета документов, белорусский президент добивался положительного для Беларуси окончания очередной «молочной войны», разразившейся между двумя странами незадолго до того. Ситуация обострялась тем, что демарш Беларуси состоялся накануне встречи российского президента с Бараком Обамой и саммита ШОС, где Москва планировала продемонстрировать свой вес в регионе, ссылаясь на создание под ее эгидой аналога НАТО со своими войсками быстрого реагирования. Действия белорусской стороны достигли результата: вопросы с доступом белорусских товаров на российский рынок были довольно быстро решены.

Косвенным свидетельством потенциала влияния Минска на политику военной безопасности Кремля на постсоветском пространстве, пусть формально и не в рамках ОДКБ, стал и вопрос создания на территории Беларуси российской авиационной базы. Беларусь оставалась единственной страной ОДКБ, в которой отсутствовала полноценная российская военная база.

Впервые план создания авиабазы был озвучен министром обороны России Сергеем Шойгу в апреле 2013 года: «Надеемся, что к 2015 году здесь появится авиаполк. В 2013 году создадим авиационную комендатуру и поставим первое дежурное звено боевых истребителей»[87]. Однако вскоре Александр Лукашенко дезавуировал это заявление, сказав, что речь идет о покупке российских истребителей[88]. Несмотря на это, российская сторона на официальном уровне и в публичном пространстве продолжала поднимать вопрос размещения базы, что позволяло говорить о ведении сложных переговоров и давлении Кремля на Минск. Особенно это давление усилилось в период горячей фазы украинско-российского конфликта в 2014–2015 годах[89].

Для России наличие авиационной базы вблизи северной границы Украины стало бы важным дополнительным фактором контроля по отношению как к Украине, так и Беларуси. В военно-стратегическом смысле такая авиабаза большого значения не имела. Однако, с одной стороны, она создавала бы дополнительную угрозу для Киева и оказывала психологическое воздействие на него, с другой — демонстрировала бы лояльность Беларуси в качестве союзника, а также позволяла бы накапливать на ее территории личный состав и вооружения российской армии на случай необходимости, как это происходило в Крыму перед аннексией.

Для Беларуси открытие российской военной базы было неприемлемо по нескольким причинам. Такой шаг означал бы повышение рисков для белорусского суверенитета и дополнительную угрозу в случае разногласий с Москвой по поводу конфликта между Россией и Украиной. С учетом попыток Минска содействовать преодолению этого конфликта это также означало бы как

---

84 Интервью с высокопоставленным представителем Министерства иностранных дел Беларуси, 15.11.2020 г.; интервью с бывшим сотрудником Министерства обороны Беларуси, 17.11.2020 г.

85 Интервью с Александром Искандаряном, 05.12.2020 г.

86 Страны ОДКБ подписали соглашение по КСОР без Белоруссии // РБК. — 14.06.2009. https://www.rbc.ru/politics/14/06/2009/5703d4a49a79477331808ecd

87 Российские «МиГи» сядут в Минске // Интерфакс. — 23.04.2013. https://www.interfax.ru/russia/303204

88 Рабочая поездка в Хойникский район Гомельской области //Сайт Президента Беларуси. — 26.04.2013. https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-posetil-s-rabochej-poezdkoj-xojnikskij-rajon-gomelskoj-oblasti-5331

89 Алесин А. «Вопрос российской авиабазы в Беларуси закрыт. Но у Москвы есть другие вопросы» // Naviny.by. — 16.01.2018. https://naviny.online/article/20180116/1516081802-vopros-rossiyskoy-aviabazy-v-belarusi-zakryt-no-u-moskvy-est-drugie.

Фото: depositphotos.com

минимум провал миротворческой политики и связанного с ней улучшения отношений с Западом. А как максимум — разрыв стратегически важных для Беларуси отношений с Украиной.

В итоге Александр Лукашенко смог убедить российское руководство отказаться от идеи военной базы на белорусской территории. Свою позицию он мотивировал тем, что Беларусь сама в состоянии обеспечить собственную безопасность и безопасность западной границы Союзного государства[90]. Также он подчеркнул, что подлетное время современного боевого самолета от ближайшей авиабазы на территории России до западных границ Союзного государства составляет считаные минуты. Тем не менее российское руководство осталось недовольно нежеланием Беларуси разместить базу, назвав ситуацию «неприятным эпизодом»[91]. Одно из последствий этого раздражения — отказ Москвы продать Беларуси истребители Су-30СМ по сниженной цене, несмотря на все соглашения в рамках ОДКБ и Союзного государства[92].

Таким образом, примеры с неразмещением российской авиабазы и торможением создания КСОР ОДКБ говорят о возможностях Минска противодействовать российскому давлению внутри системы военно-политической интеграции. Также они отражают две важные и взаимосвязанные тенденции в отношениях Беларуси и России как военных союзников, которые стали особенно заметны после 2014 года:

1. Россия все меньше рассматривает Беларусь в качестве реального, а не демонстративного военного союзника. И, как следствие, — не заинтересована в поддержке развития и укрепления белорусских вооруженных сил в качестве автономной единицы в рамках ОДКБ либо Союзного государства[93]. Наоборот, Кремль стремится к замещению белорусской армии собственными силами, вооружениями и военной техникой. Этим можно объяснить и настойчивые попытки открыть военно-воздушную базу на белорусской территории.

2. Осознав неготовность России поддерживать своих союзников в военном и экономическом планах, белорусское руководство не видело иных вариантов, кроме как все больше опираться на собственные силы и активнее диверсифицировать внешнюю политику и политику в области безопасности. В конечном итоге это ведет к постепенной трансформации белорусской армии в соответствии с потребностями страны, а не военного блока, в который она входит. В плане развития вооруженных сил главными приоритетами для белорусского руководства являются ВВС и ПВО, силы специальных операций (ССО), система территориальной обороны и ракетные соединения[94].

---

90 Лукашенко о российской военной базе: она здесь не нужна // Sputnik.by. — 06.11.2018. https://sputnik.by/defense_safety/20181106/1038507335/Lukashenko-o-rossiyskoy-voennoy-baze-ona-zdes-ne-nuzhna.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

91 Лавров назвал отказ Белоруссии разместить российскую базу неприятным эпизодом // Коммерсант. — 29.06.2019. https://www.kommersant.ru/doc/4104137

92 Зась рассказал, как Россия предлагала разместить базу вместо продажи самолетов // Reformation. — 13.11.2019. https://reform.by/zas-rasskazal-kak-rossija-predlagala-razmestit-bazu-vmesto-prodazhi-samoletov

93 Интервью с Андреем Савиных, 20.11.2020 г.

94 Минский диалог. «Минский барометр». — 2018. — № 2. https://minskdialogue.by/Uploads/Files/research/reports/pdf/MB2_ru.pdf

ИНФРАСТРУКТУРА И НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ С НАТО

До политического кризиса, разразившегося в Беларуси в августе 2020 года, Минск делал ставку на развитие максимально возможной в белорусских условиях внешнеполитической многовекторности. Такой подход отразился и на международном военном сотрудничестве, которое Беларусь существенно диверсифицировала и активизировала после 2014 года.

Важной инфраструктурной основой для этого послужили двусторонние соглашения о дополнительных мерах доверия и безопасности, заключенные еще в начале 2000-х годов с Украиной и тремя соседями — членами НАТО (Польшей, Литвой и Латвией). Эти меры соответствуют положениям главы X Венского документа[95] и предусматривают:

- проведение дополнительных посещений по оценке военной информации и инспекций указанных районов;
- дополнительный обмен информацией о вооруженных силах и экспертные встречи;
- взаимное уведомление о наиболее масштабной военной деятельности, не достигающей порогов уведомления, предусмотренных Венским документом[96].

В 2002–2020 годах в соответствии с положениями этих договоренностей Республика Беларусь дополнительно приняла на своей территории 32 инспекции указанных районов и 61 посещение по оценке. В свою очередь, Беларусь за этот же период провела 28 инспекций указанных районов и 62 посещения по оценке на территориях Латвии, Литвы, Польши и Украины[97]. И Минск, и страны-партнеры всегда подчеркнуто выражали удовлетворенность качеством диалога и сотрудничества в рамках заключенных соглашений, особенно после 2014 года, когда значение соглашений для региональной безопасности резко возросло[98].

Кроме того, расширялись меры доверия в отношениях Беларуси и стран НАТО в целом. В частности, проходили ежегодные совещания между представителями белорусских госструктур и НАТО по вопросам участия в Процессе планирования и оценки сил программы НАТО «Партнерство ради мира»[99]. Еще в 2010 году Беларусь заключила с НАТО соглашение о железнодорожном транзите, став частью Северной распределительной сети, по которой осуществлялся транзит невоенных грузов в Афганистан в рамках операции Международных сил содействия и безопасности[100]. В 2013 году было заключено дополнительное соглашение, расширяющее условия предыдущих договоренностей о транзите бронетехники стран НАТО[101]. Эти процессы положительно отразились на политике нормализации отношений Беларуси с США, начало которой было положено в 2015–2016 годах.

В декабре 2019 года бывший глава Генерального штаба Беларуси генерал-майор Олег Белоконев заявил о готовности Беларуси к совместным учениям с НАТО и проведении переговоров о возможных форматах[102]. При этом он уточнил, что Россия должна оставаться стратегическим союзником. Главным препятствием для совместных учений и участия Беларуси в миссиях НАТО является незавершенный процесс вступления в силу соглашения по безопасности информации, которое устанавливает минимальные стандарты защиты информации ограниченного распространения. Важно, что само по себе членство Беларуси в ОДКБ не налагает запрета на участие в учениях и миссиях НАТО. Примером такого сотрудничества может быть Армения.

В целом Беларусь обеспечивает бóльшую по сравнению с Россией прозрачность военной деятельности, что не раз отмечалось руководством НАТО. Например, Беларусь, в отличие от России, остается приверженной ДОВСЕ, а Министерство обороны Беларуси публикует гораздо более детальную информацию о функционировании белорусской армии, чем российское военное ведомство. То же касается и совместных военных учений. Именно Минск обеспечил широкое присутствие иностранных наблюдателей на белорусско-российских учениях «Запад-2017»[103].

Показателен в этом контексте и ситуационный нейтралитет Беларуси по отношению к российско-украинскому конфликту из-за Крыма и Донбасса[104]. Беларусь не признала законность аннексии Россией Крыма и предложила свою помощь в разрешении конфликта на востоке Украины, а Минск стал местом проведения многочисленных конференций и переговоров, направленных

95 OSCE, Vienna Document 2011 on Confidence- and Security-Building Measures, 2011. https://www.osce.org/files/f/documents/a/4/86597.pdf

96 О заключении договоренности о дополнительных мерах по укреплению доверия и безопасности между Беларусью и Польшей // МИД Беларуси. — 21.07.2004. https://mfa.gov.by/print/press/news_mfa/ad8a4607e58bf3ff.html

97 Контроль над вооружениями // Министерство обороны Беларуси. — 2020. https://www.mil.by/ru/military_policy/arms_control/#dogovor

98 Интервью с представителем МИД Беларуси, 21.01.2021 г.

99 Интервью с Александром Алесиным, 10.11.2020 г.

100 Socor, V. (2013) "Silent Partner: Belarus in NATO's Northern Distribution Network", *The Jamestown Foundation*. https://jamestown.org/program/silent-partner-belarus-in-natos-northern-distribution-network/#.UgQPbW3OC8s

101 Там же

102 Белоконев: Беларусь готова к совместным учениям с НАТО, идут переговоры о возможных форматах // TUT.by. — 09.12.2019. https://news.tut.by/economics/664390.html

103 Интервью с Юрием Деревянко, 11.11.2020 г.

104 Melyantsou, D. (2019) 'Situational Neutrality: A Conceptualisation Attempt', *Minsk Dialogue*. http://minskdialogue.by/en/research/opinions/situational-neutrality-a-conceptualization-attempt

Фото: depositphotos.com

на деэскалацию международной напряженности. Эти миротворческие усилия положительно сказались как на безопасности самой Беларуси, так и на отношениях по линии Беларусь — НАТО[105].

При этом белорусское руководство в своей внешней и оборонной политике учитывает интересы России и возможные риски для Беларуси в случае игнорирования этих интересов. Поэтому официальный Минск никогда не ставил под вопрос свое членство в ОДКБ и в целом сотрудничество с Россией в сфере безопасности и обороны[106]. Этот аспект следует считать еще одним важным компонентом понятия «ситуационный нейтралитет» в белорусском варианте.

ПОСЛЕДСТВИЯ БЕЛОРУССКОГО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2020 ГОДА

С 2018 года нарастала интенсивность контактов между малыми странами НАТО и ОДКБ, и это взаимодействие могло бы перерасти в более устойчивый межблоковый формат сотрудничества. Но позитивная динамика была нарушена политическим кризисом, разразившимся после выборов в Беларуси в августе 2020 года, и последовавшей за ним региональной геополитической революцией[107], в ходе которой Минск резко и беспрецедентно масштабно развернулся в своей оборонной политике в сторону Москвы.

Очевидно, что после президентских выборов 2020 года Беларусь и страны Запада вернулись к привычному ранее циклу в отношениях: медленная нормализация отношений до президентских выборов — их резкое ухудшение после выборов — медленная и болезненная нормализации по мере привыкания сторон к поствыборному статус-кво. В этот раз, однако, ситуация осложняется как беспрецедентным масштабом протестов в Беларуси, так и геополитической конфронтацией между Россией и Западом, дополнительно снижающей возможности внешнеполитического маневра для официального Минска. Тем более что на пике внутриполитического кризиса белорусское руководство вынуждено было просить помощи у Кремля и актуализировать уже подзабытую антизападную риторику. Ее содержание сводилось к обвинению США и других стран Запада в организации революции в стране[108].

Однако общая стабилизация политической ситуации внутри Беларуси к концу 2020 года[109] позволила

---

105 Интервью с бывшим сотрудником Министерства обороны Беларуси, 17.11.2020 г.

106 Интервью с высокопоставленным представителем Министерства иностранных дел Беларуси, 15.11.2020 г.; интервью с бывшим сотрудником Министерства обороны Беларуси, 17.11.2020 гг.

107 Интервью с Анной-Марией Дынер, 22.01.2021 г.

108 Семь этапов сценария по уничтожению Беларуси — Лукашенко рассказал об истинных замыслах оппонентов // Belta. — 16.09.2020. https://www.belta.by/president/view/sem-etapov-stsenarija-po-unichtozheniju-belarusi-lukashenko-rasskazal-ob-istinnyh-zamyslah-opponentov-406999-2020/

109 По крайней мере, если судить по масштабам уличного противостояния и аналитически прогнозируемым перспективам его возобновления весной 2021 года.

предотвратить наиболее нежелательные последствия от официального обращения к России за помощью. Во-первых, резерв сил правопорядка, созданный Владимиром Путиным по просьбе белорусского коллеги[110], так и не был задействован на территории Беларуси, как не были задействованы и иные воинско-полицейские формирования. Во-вторых, не произошло форсированного углубления интеграции в рамках Союзного государства Беларуси и России, которое привело бы к потере значительной части белорусского суверенитета.

С учетом этих обстоятельств уже в начале 2021 года белорусское руководство вновь заговорило о многовекторности. Так, выступая на Всебелорусском народном собрании (ВНС) 11 февраля, Александр Лукашенко отметил, что Беларусь заинтересована иметь «сбалансированные и разнообразные связи с внешним миром [...]». Он также отметил: «В этом вся суть нашей концепции многовекторности, которая вызывает столько вопросов даже у наших братьев. Не надо нас критиковать, что якобы мы сидим на двух стульях. В конечном итоге мы ставим цель обеспечить диверсификацию международных, экономических прежде всего, связей»[111]. Он подчеркнул, что для Беларуси даже в новых политических условиях важны отношения с Европейским союзом.

Министр иностранных дел Владимир Макей в своем докладе на ВНС фактически предложил отказаться от заложенного в Конституции стремления к нейтралитету[112]. По его мнению, это положение больше не соответствует текущей ситуации. При этом он также высказался за сохранение многовекторности, которая «не исключает преобладания какого-то вектора»[113].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на резкое усиление роли России во внешней и оборонной политике Беларуси на фоне внутриполитического кризиса, стратегические интересы официального Минска не претерпели столь же значительных изменений. Долгосрочный императив достижения устойчивого внешнеполитического баланса сохраняется, даже при существенном превалировании на текущем этапе российского вектора. Это обстоятельство позволяет говорить о наличии перспектив для нормализации отношений с Западом и о сохранении у Минска заинтересованности в продвижении примиренческой и миротворческой повестки в регионе Восточной Европы. Следовательно, актуальным остается и интерес Беларуси к налаживанию конструктивного взаимодействия между ОДКБ и НАТО.

---

110 Полякова В. Путин заявил о создании резерва силовиков для Белоруссии // РБК. — 27.08.2020. https://www.rbc.ru/politics/27/08/2020/5f478b809a7947e8079f1cb7

111 Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании // Сайт Президента Беларуси. — 11.02.2021. https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie

112 Макей: закрепленное в Конституции стремление к нейтралитету не соответствует текущей ситуации // Belta. — 11.02.2021. https://www.belta.by/politics/view/makej-zakreplennoe-v-konstitutsii-stremlenie-k-nejtralitetu-ne-sootvetstvuet-tekuschej-situatsii-428284-2021/

113 Макей: Беларусь должна и дальше придерживаться многовекторной внешней политики // Belta. — 11.02.2021. https://www.belta.by/politics/view/belarus-dolzhna-i-dalshe-priderzhivatsja-mnogovektornoj-vneshnej-politiki-makej-428266-2021

4

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В 2014–2020 гг. наблюдалось очень осторожное и потому постепенное наращивание взаимодействия между малыми восточноевропейскими странами НАТО и ОДКБ. Сотрудничеству препятствовали многочисленные факторы: например, общая геополитическая напряженность, частое несовпадение интересов, диаметрально противоположные оценки вызовов и угроз, конфликтные исторические нарративы в обществах. Однако рациональное понимание собственных уязвимостей (по крайней мере, среди части элит) в случае гипотетического военного столкновения в Восточной Европе побуждало стороны осознать важность диалога и сотрудничества[114]. В результате дилемма «столкновение глобальных проектов vs общность региональных интересов» в регионе не была однозначно разрешена (и еще долгое время не будет разрешена), однако перестала препятствовать расширению взаимовыгодного сотрудничества.

В Восточной Европе формировалось первоначальное взаимное доверие, а также коммуникационный опыт на различных уровнях и в различных форматах. Благодаря этому процессу малые страны из оппонирующих блоков стали лучше понимать мотивацию и логику друг друга, что немного снижало общую атрибутивную предвзятость в восприятии противоположной стороны[115]. Благодаря этому восточноевропейские страны, пусть медленно и не повсеместно, начали осознавать собственную ответственность за положение дел в регионе, что, правда, не отменяло для них абсолютного приоритета отношений с союзниками по военно-политическому блоку.

Ключевая роль в этом процессе принадлежала Беларуси, которая после 2014 года значительно активизировала попытки «играть на понижение» региональной напряженности. В этой примирительной политике отразилось представление официального Минска о собственных интересах в области безопасности в условиях начавшихся структурных преобразований в Восточной Европе и во всей системе международных отношений.

Вспыхнувший летом 2020 года белорусский политический кризис и его международные последствия в виде полноценного дипломатического конфликта между Минском и западными столицами нарушили позитивные тенденции последних лет. На пике внутриполитического противостояния руководство Беларуси прибегло к жесткой антизападной риторике, обвинив государства НАТО не только в поддержке оппозиционных сил, но и в подготовке возможного военного вторжения на белорусскую территорию[116]. В итоге Александр Лукашенко отдал приказ перебросить на границы с Литвой и Польшей около половины боеспособного состава армии из-за «увеличенной концентрации войск НАТО у западных границ»[117]. Такое развитие событий, очевидно, внесло серьезные коррективы в положение дел в региональной безопасности и в ближайшие перспективы эффективного межблокового взаимодействия. Некоторые дипломаты и эксперты даже считают, что нивелированы все наработки и достижения предыдущих пяти-шести лет[118].

Однако со стратегической точки зрения белорусский кризис и его международные последствия пока мало что меняют для региональной безопасности в Восточной Европе[119]. Так, сохраняется объективный и понятный интерес Минска (по крайней мере, после стабилизации ситуации внутри страны) к дальнейшей «игре на понижение» напряженности в региональной безопасности. В минимизации военных рисков и хотя бы ограниченном повышении военной транспарентности все так же заинтересован Североатлантический альянс. К тому же, многочисленные контакты последних лет, как уже отмечалось, позволили сторонам лучше узнать и понять друг друга. Благодаря этому, «как ни странно, даже

---

114 Интервью с Юлией Никитиной, 16.11.2020 г..

115 Интервью с послом европейского государства, 13.11.2020 г.; интервью с высокопоставленным представителем МИД Беларуси, 15.11.2020 г.; интервью с Анной-Марией Дынер, 22.01.2021 г.

116 Лукашенко: нам готовили эту заварушку, планируют это и направляют США // Belta. — 21.08.2020. https://www.belta.by/president/view/lukashenko-nam-gotovili-etu-zavarushku-planirujut-eto-i-napravljajut-ssha-403655-2020

117 Лукашенко заявил, что был вынужден перебросить к западным границам половину состава ВС // ТАСС. — 13.11.2020. https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10000571

118 Интервью с послом европейского государства, 13.11.2020 г.; интервью с Квинси Клоетом, 21.11.2020 г.

119 Прейгерман Е. Давний фронт Европы. Как белорусский кризис отразится на безопасности Балтики // Московский центр Карнеги. — 26.01.2021. https://carnegie.ru/commentary/83535

несмотря на общий шок от событий в Беларуси на Западе, на самом деле стороны имеют меньше иллюзий по отношению друг к другу, чем раньше»[120]. Это обстоятельство также может помочь избежать наихудших дальнейших сценариев в региональной безопасности.

При этом Беларусь — единственный региональный актор, обладающий не только сильной собственной мотивацией способствовать межблоковому взаимодействию, обусловленной особенностями географического и геостратегического положения страны, но и практической инфраструктурой для этого. Имеется в виду уникальная сеть двусторонних соглашений по мерам доверия и безопасности, которые Минск заключил со всеми соседями — членами НАТО и Украиной. Благодаря этому даже в новых политических условиях Беларусь объективно сохраняет возможности и потенциал для снижения остроты описанной в докладе региональной «дилеммы безопасности».

Для дальнейшего развития этого потенциала в интересах мира и безопасности в Восточной Европе Минску и другим региональным акторам следует обратить внимание на следующие рекомендации.

1. В кратко- и среднесрочной перспективе главная задача — **предотвратить возникновение в регионе жесткой и масштабной конфронтации по линии двух военно-политических блоков**. В условиях нарастающих противоречий между Россией и Западом, а также дипломатического конфликта между Беларусью и Западом для этого критически важно сохранить работающие механизмы верификации и мер доверия в рамках сети двусторонних соглашений по мерам доверия и безопасности. Беларусь и восточноевропейские страны НАТО должны обеспечить максимально возможный уровень транспарентности военной активности, постоянный обмен информацией об учениях и расположении войск, сохранить прямые каналы коммуникации между военными.

2. На фоне почти полного разрушения глобальной системы контроля над вооружениями и подрыва вследствие этого основ стратегической стабильности особое значение для региональной безопасности в Восточной Европе имеет взаимодействие между малыми странами-членами НАТО и ОДКБ с целью сохранения регионального каркаса контроля над вооружениями. Для этого **необходимо определить и согласовать обязательный для всех стран региона минимум сотрудничества в рамках ключевых соглашений в области контроля над вооружениями** (ДОВСЕ, РСМД, ДОН), из которых крупные государства уже вышли (или объявили о намерении выйти).

3. В контексте международных последствий внутриполитического кризиса в Беларуси вновь **актуализировались проблемы невосприятия малыми странами НАТО и ОДКБ субъектности друг друга и атрибутивной предвзятости по отношению друг к другу.** Помимо уже предложенных мер кризисного управления, **негативное воздействие этих проблем следует минимизировать с помощью активной экспертной дипломатии («дипломатии второго трека»).** Она по определению отличается большей гибкостью, чем официальная дипломатия, и в периоды острых кризисов остается фактически единственным каналом коммуникации, через который можно не только доносить противоположной стороне принятые решения, но и полноценно объяснять логику своих действий.

4. **Беларусь должна остаться площадкой для инклюзивного диалога по вопросам региональной безопасности.** Другого такого места в Восточной Европе просто нет, поэтому утрату минской площадки для официальной и экспертной дипломатии невозможно будет восполнить. Соответственно, сохранение белорусской площадки — это объективный общий интерес всех стейкхолдеров и акторов безопасности в Восточной Европе, а не односторонняя потребность Минска.

5. В свете союзнических обязательств между Россией и Беларусью, а также особого значения Москвы и Минска друг для друга **сохранение потенциала последнего как фактора снижения региональной напряженности возможно лишь при условии, что будут обеспечены все легитимные интересы России.** В этом плане заявление официального Минска о возможном отказе от закрепленной в действующей Конституции формулировки о стремления к нейтралитету может сыграть позитивную роль в долгосрочной перспективе.

6. Запланированные на сентябрь 2021 года белорусско-российские учения «Запад-2021» неизбежно приведут к новому всплеску негативных эмоций и конфронтации в Восточной Европе. **Организаторам учений следует продумать варианты максимального повышения их транспарентности.**

7. В более долгосрочной перспективе **Минску необходимо разработать комплексное концептуальное видение собственной региональной роли, максимально полно учитывающее интересы всех стейкхолдеров и акторов безопасности в Восточной Европе.**

---

120 Интервью с высокопоставленным представителем МИД Беларуси, 15.11.2020 г.

СПИСОК ИНТЕРВЬЮ

Адам Райхардт (Adam Reichardt), главный редактор журнала New Eastern Europe, соведущий подкаста Talk Eastern Europe, онлайн, 05.11.2020 г.

Александр Алесин, независимый военный эксперт, Минск, 10.11.2020 г.

Юрий Деревянко, бывший сотрудник Управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Республики Беларусь, Минск, 11.11.2020 г.

Посол европейского государства, Минск, 13.11.2020 г.

Высокопоставленный представитель Министерства иностранных дел Республики Беларусь, Минск, 15.11.2020 г.

Юлия Никитина, доцент Московского государственного института международных отношений; ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, онлайн, 16.11.2020 г.

Бывший сотрудник Министерства обороны Республики Беларусь, Минск, 17.11.2020 г.

Андрей Савиных, председатель Постоянной комиссии по международным делам Палаты Представителей Национального собрания, Минск, 20.11.2020 г.

Аналитик Белорусского института стратегических исследований (БИСИ), Минск, 21.11.2020 г.

Квинси Клоет (Quincy Cloet), управляющий редактор Visegrad Insight, онлайн, 21.11.2020 г.

Руководитель исследовательского института, работающего в интересах Правительства Российской Федерации, Москва, 04.12.2020 г.

Представитель Российской Федерации в одной из подгрупп Трехсторонней контактной группы ОБСЕ, Москва, 05.12.2020 г.

Ведущий научный сотрудник исследовательского института, работающего в интересах Правительства Российской Федерации, Москва, 05.12.2020 г.

Александр Искандарян, директор Института Кавказа (Армения), Москва, 05.12.2020 г.

Дипломат из государства-члена ЕС, Москва, 05.12.2020 г.

Лукаш Кулеса (Lukasz Kulesa), заместитель начальника исследовательского департамента Польского института международных дел (PISM); старший научный сотрудник Европейской лидерской сети, онлайн, 20.01.2021 г.

Представитель Министерства иностранных дел Республики Беларусь, Минск, 21.01.2021 г.

Анна-Мария Дынер (Anna Maria Dyner), аналитик Польского института международных дел (PISM), онлайн, 22.01.2021 г.

Бывший высокопоставленный чиновник, Москва, 25.01.2021 г.

Независимый эксперт-конфликтолог, работающий в интересах Правительства Российской Федерации, Москва, 27.01.2021 г.

Лиана Фикс (Liana Fix), директор программы «Международные отношения» Фонда им. Кербера (Körber-Stiftung), онлайн, 05.02.2021 г.

АВТОРЫ

Денис Мельянцов — координатор программы «Внешняя политика Беларуси» Совета по международным отношениям «Минский диалог». В 2003 г. окончил исторический факультет Могилевского государственного университета, затем учился в Вильнюсском институте политических наук и международных отношений (Литва), где в 2006 г. защитил магистерскую диссертацию по специальности «Международные отношения и дипломатия». Также окончил магистратуру по международным отношениям в Белорусском государственном университете. С 2007 по 2017 гг. — старший аналитик в Белорусском институте стратегических исследований (BISS); преподаватель в Европейском гуманитарном университете (2006–2009 гг.). Исследовательские интересы: внешняя политика Беларуси (в частности, отношения с ЕС и США), международная и европейская безопасность.

Сергей Богдан — член Экспертного совета «Минского диалога». Работает в Институте истории им. Фридриха Майнеке Свободного университета Берлина в Германии. Защитил докторскую диссертацию по политологии в Институте политических наук имени Отто Зура Свободного университета Берлина, а также является выпускником Белорусского государственного университета и Европейского гуманитарного университета в Литве. В 1999–2011 гг. работал в белорусском независимом еженедельнике «Наша Ніва». Исследовательские интересы: международные отношения, безопасность, Восточная Европа, Ближний Восток, ислам, социализм, радикализм.

Евгений Прейгерман — учредитель и директор Совета по международным отношениям «Минский диалог». Член Совета ОО «Дискуссионно-аналитическое сообщество «Либеральный клуб» (Минск), Консультативного совета Международного института мира (Австрия) и Экспертного совета Ассоциации развития рынка информационной безопасности «Кибер индустрия» (Беларусь). Также является членом ряда профессиональных ассоциаций, включая Сеть лидеров молодого поколения по евроатлантической безопасности (YGLN), Инициативу по коллективной безопасности при ОБСЕ и Британскую ассоциацию международных исследований (BISA). Окончил Белорусский государственный университет по специальности «Международные отношения», получил степень магистра европейской политики в Университете Сассекса (Великобритания), а в настоящее время пишет докторскую (PhD) диссертацию в Университете Уорика (Великобритания). Исследовательские интересы: внешняя политика малых стран, международные отношения в Восточной Европе, евроатлантическая и евразийская безопасность.

Алисия Иванова — младший аналитик Совета по международным отношениям «Минский диалог». Закончила бакалавриат факультета международных отношений БГУ по специальности «Международное право». Аффилированная участница проекта GCRF COMPASS (Кентский университет, Великобритания), а также Клуба исследований международного гуманитарного права и права безопасности БГУ. В 2019 году работала в Белорусском институте стратегических исследований (BISS), стажировалась в миссии Международного Комитета Красного Креста в Беларуси. Участница и победительница национальных и международных соревнований по международному праву имени Ф. Джессапа (США), имени Жана Пикте (Индонезия). Исследовательские интересы: международная и региональная безопасность, деятельность военных альянсов.

СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ «МИНСКИЙ ДИАЛОГ»

Совет по международным отношениям «Минский диалог» начал свою работу в начале 2015 года в формате экспертной инициативы по тематике международных отношений и безопасности в Восточной Европе. Первая международная конференция «Минского диалога» прошла в марте 2015 года и была посвящена теме «ЕС, Россия и страны Восточной Европы: как преодолеть разногласия?».

Миссия «Минского диалога» — предоставлять открытую профессиональную площадку без геополитических разделительных линий для исследований и дискуссий о международных отношениях и безопасности в Восточной Европе.

В своей деятельности «Минский диалог» ставит перед собой следующие цели:

— способствовать повышению международной безопасности в регионе Восточной Европы;
— содействовать продвижению суверенных интересов Беларуси в системе международных отношений;
— содействовать укреплению потенциала экспертного и научного сообществ Беларуси в области международных отношений и безопасности.

Эксперты «Минского диалога» готовят аналитические публикации и доклады по итогам мероприятий и исследований, которые распространяются среди ключевых стейкхолдеров региональной безопасности. Регулярные мероприятия «Минского диалога» собирают международных экспертов, а также высокопоставленных государственных деятелей и дипломатов. В мае 2018 года прошел первый Форум «Минского диалога», который собрал более 500 участников из 59 стран мира. Тема этого форума впоследствии стала девизом организации — «Восточная Европа: в поисках безопасности для всех». В октябре 2019 года второй Форум «Минского диалога» посетили более 700 участников из 62 стран. В 2020 году ежегодный Форум прошел в онлайн-режиме.

В рамках «Минского диалога» работает Консультативный совет, который помогает стратегическому развитию организации и повышению ее авторитета в международном экспертном и дипломатическом сообществах; а также Экспертный совет, члены которого активно участвуют в реализации исследовательской повестки «Минского диалога». В состав Консультативного и Экспертного советов входят известные белорусские и зарубежные ученые, эксперты и дипломаты.

АВТОРЫ

Авторы: **Денис Мельянцов, Сергей Богдан, Евгений Прейгерман, Алисия Иванова**

Дизайн: Олена Марчишина, Роман Марчишин

Фото: depositphotos.com

КОНТАКТЫ

Фонд им. Фридриха Эберта. Представительство в Украине / Проект Беларусь

Руководитель Кристофер Форст | Представительство в Украине / Проект Беларусь

ул. Пушкинская, 34, г. Киев, 01004, Украина
Тел.: +38-044-234-10-38 | Факс: +38-044-234-10-39

Все тексты доступны на веб-сайте:
http://www.fes.kiev.ua

Заказы / контакты:
belarus@fes.kiev.ua

Использование опубликованной Фондом имени Фридриха Эберта информации в коммерческих целях запрещается без письменного согласия Фонда.

Исследование

РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ МАЛЫХ СТРАН В ОБЕСПЕЧЕНИИ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. ПРИМЕР БЕЛАРУСИ

На фоне подрыва основ стратегической стабильности взаимодействие между малыми странами-членами НАТО и ОДКБ приобретает особое значение для региональной безопасности в Восточной Европе.

Беларусь — единственный региональный актор, мотивированный способствовать межблоковому взаимодействию и обладающий соответствующей практической инфраструктурой.

Минск сохраняет объективный интерес к дальнейшей «игре на понижение» напряженности в региональной безопасности.

FRIEDRICH EBERT STIFTUNG